

БАТАЛЬОН СМЕРТИ

МАРИЯ БОЧКАРЕВА

Первая мировая война

Мария Бочкарева

Батальон смерти

«Яуза»

Бочкарева М.

Батальон смерти / М. Бочкарева — «Яуза», — (Первая мировая война)

К 100-летию Первой Мировой войны! По мотивам этой книги снят самый ожидаемый фильм нынешнего юбилейного года – «БАТАЛЬОН СМЕРТИ». Воспоминания удивительной женщины, которую величают «русской Жанной д'Арк», а ее невероятная судьба заставляет вспомнить такие шедевры, как «А зори здесь тихие» и «У войны не женское лицо». Уйдя на фронт добровольцем, Мария Бочкарева лично участвовала в штыковых атаках и разведках боем, была трижды ранена, заслужила Георгиевский крест и три медали. В 1917 году, когда разложившаяся армия все чаще «втыкала штык в землю», старший унтер-офицер Бочкарева создает первый женский Батальон смерти, чтобы показать мужчинам «пример самопожертвования». В первом же бою батальон потерял треть личного состава, но выполнил приказ, захватив вражеские окопы, – а по всей России уже формировались женские ударные части, и именно «смертницам» суждено было стать последними защитницами Зимнего дворца... Эта книга – безыскусный и честный рассказ о героизме русских женщин, готовых умереть за Родину, о подвигах и трагедиях, славе и предательстве, – о последней, вычеркнутой из истории, но незабвенной, войне Российской империи.

© Бочкарева М.

© Яуза

Содержание

Мария Бочкарева – русская Жанна д' Арк	5
Введение	10
Часть первая	13
Глава первая. С малых лет в труде	13
Глава вторая. Замужем в пятнадцать лет	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Бочкарева Батальон смерти

Мария Бочкарева – русская Жанна д' Арк

Эту женщину боялись и ненавидели, ею восхищались и гордились. Ее воспоминания «Яшка» были изданы в США и многих странах Европы. Эту книгу читали Вудро Вильсон, Теодор Рузвельт, Троцкий, Уинстон Черчилль, король Англии Георг V, Долорес Ибаррури и многие другие зарубежные общественные и политические деятели. У нас же «Яшка» долгие годы лежал в спецхранах библиотек.

Мария Леонтьевна Бочкарева (Фролкова) родилась в июле 1889 г. в деревне Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. Когда Марусе исполнилось шесть лет, семья переехала в Сибирь, где правительство предоставляло переселенцам большие земельные наделы безвозмездно. Мария была третьим ребенком в семье. С ранних лет – нелегкий крестьянский труд, присмотр за хозяйскими детьми, работа посудомойки и даже заливка асфальта. В 15 лет Мария неудачно выходит замуж. Пьянство мужа и вечные побои вынуждают ее бежать от такой жизни в Иркутск. Со вторым мужем она живет гражданским браком, однако и этот союз распадается. Второй муж, несмотря на состоятельных родителей, оказался игроком и с бандитскими наклонностями.

Шел ноябрь 1914 г. Первая мировая, или, как ее называли очевидцы, Великая война, прочно входила в жизнь страны. Мария принимает решение идти на фронт. Она вспоминает: «Мое сердце рвалось туда – в кипящий котел войны, чтобы принять крещение в огне и закалиться в лаве. Мною овладел дух самопожертвования. Моя страна звала меня». Придя в штаб 25-го резервного батальона, расквартированного в Томске, она заявила о своем желании стать в строй. У встретивших ее офицеров это заявление вызвало и хохот, и полное недоумение. Ей попытались объяснить, что женщин берут в армию только в сестры милосердия и в другие вспомогательные службы, однако Мария снова заявила о своем решении идти на фронт рядовым солдатом. Командир батальона предложил ей направить телеграмму царю, который только и мог разрешить этот вопрос.

Спустя некоторое время в штаб батальона пришла телеграмма от царя, где он разрешил зачислить Марию в строй. Ее первое появление среди новобранцев в солдатской форме вызвало взрыв хохота и насмешек. Солдаты обступили Бочкареву со всех сторон, толкали плечом, щипали, пока не убедились, что она – женщина. Медленно, но прочно устанавливались ее отношения с солдатами. Среди них было принято называться сокращенными именами или прозвищами. Выбрала себе такое и Мария – Яшка, в память о втором муже...

В феврале 1915 г., после трехмесячного обучения, Мария оказалась на фронте в 28-м Полоцком пехотном полку. Первый неудачный для полка бой с немцами, первая кровь и потери... Мария не может вынести стонов своих раненых товарищей и ползет на нейтральную полосу под немецкие пули. Пятьдесят спасенных жизней и заслуженная награда. Бочкарева очень быстро стала живой легендой полка. Она ходит в разведку, вытаскивает раненых под огнем, участвует в штыковых атаках, несет наравне с мужчинами всю тяжесть боевой службы. Три раза за Великую войну Мария побывала в Киеве. Один раз проездом, а остальные – на излечение ран. Свое первое ранение в ногу она лечила в киевской Евгеньевской больнице, превращенной в госпиталь. Каждое возвращение Марии в полк после ранений сопровождалось аплодисментами и бурной радостью всех солдат и офицеров. Последние обязательно приглашали ее на обед, что являлось совершенно неслыханным делом – нижний чин за офицерским столом! Бочкареву производят сначала в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры и дове-

ряют командовать взводом. На ее груди заслуженные награды – все четыре степени Георгиевского креста и три медали, а на теле память о четырех ранениях.

Февральскую революцию Мария встречает сначала восторженно. Однако повсюду начали создаваться комитеты, растет большевистская пропаганда, армия превращается в говорильню, и солдаты отказываются сражаться. Мария взывает к их долгу, чести и совести, но, увы. Идут сплошные митинги и братания с немцами. Нашлись и такие, кто подверг Марию оскорблениям и угрозам, что казалось небывалым еще вчера. Страстная патриотка, понимающая, что войну необходимо закончить только победой, Мария не может оставаться в такой обстановке и уезжает в отпуск. По дороге она заезжает в Петроград и заходит к М.В. Родзянко – председателю Государственной думы, с которым познакомилась еще на фронте. Он повез ее в Таврический дворец, где заседали солдатские депутаты. Мария рассказывает о своем нелегком солдатском пути и здесь же у нее рождается идея создания женского отряда – для пробуждения боевого духа в разложенной большевиками армии. Много было высказано мнений и сомнений, в том числе и морального порядка, но Бочкарева твердо заявила: «Если я берусь за формирование женского батальона, то буду нести ответственность за каждую женщину в нем. Я введу жесткую дисциплину и не позволю им ни ораторствовать, ни шляться по улицам. Когда мать-Россия гибнет, нет ни времени, ни нужды управлять армией с помощью комитетов. Я хоть и простая русская крестьянка, но знаю, что спасти русскую армию может только дисциплина. В предлагаемом мной батальоне я буду иметь полную единоличную власть и добиваться послушания. В противном случае в создании батальона нет надобности».

Идею одобрил Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов и утвердил А.Ф. Керенский. 21 мая 1917 г. Мария Бочкарева выступает в Мариинском дворце Петрограда с призывом к женщинам России стать в ряды 1-го Петроградского женского Батальона смерти. Ее слова, как всегда, просты и понятны: «...Я обращаюсь к женщинам, чьи сердца кристально честны, чьи души чисты, чьи помыслы благородны. С такими женщинами мы покажем пример самопожертвования, чтобы мужчины осознали свой долг и исполнили его в этот тяжкий час испытаний!»

Случилось небывалое в истории Русской Армии. Сразу около двух тысяч женщин откликнулись на призыв Бочкаревой. Вместе с инструкторами-мужчинами закипела работа. Бросалась в глаза интеллигентность женщин-солдат. До 30 % оказались курсистками (были и бестужевки) и до 40 % имели среднее образование. Пришли все – и сестры милосердия, и домашняя прислуга, крестьянки и мещанки, выпускницы университетов. Были и представительницы очень известных фамилий – княжна Татуева из знаменитого грузинского рода, Дубровская – дочь генерала, батальонным адъютантом была Н.Н. Скрыдлова – дочь адмирала Черноморского флота.

Всюду звенящим металлом звучал голос Бочкаревой. Она успевала везде и горела огнем вдохновившей ее идеи. Женщины проходили медкомиссию и стриглись почти наголо. В первый же день Бочкарева выгоняет из батальона 30 человек, на второй – 50. Причины обычные – хихиканье, флирт с мужчинами-инструкторами, невыполнение приказов. Она постоянно призывает женщин помнить о том, что они солдаты, и серьезнее относиться к своим обязанностям. Несколько раз прибегает и к пощечинам в качестве наказания за дурное поведение.

Большевики очень быстро поняли угрозу, исходившую от женского батальона. Еще в первые дни формирования Мария получила порядка тридцати писем с угрозами. Однако она продолжала свое нелегкое дело. Часть женщин, распропагандированные большевиками, предприняли попытку сформировать комитет и выступили с резкой критикой той железной дисциплины, которая царила в батальоне благодаря стараниям Бочкаревой. В батальоне произошел раскол. Бочкарева была вызвана поочередно к командующему округом генералу Половцеву и Керенскому. Оба разговора протекали очень бурно – с криками и стучанием кулаками по столу с обеих сторон! Но – в батальоне никаких комитетов не будет!

Бочкарева переформировала батальон, в котором осталось 300 штыков. Все до 35 лет, и только одной доброволице 40. Запись уже прекращена. На вопрос корреспондентов газет о запасных кадрах Мария отвечает: «Ни к чему. Уйдем и умрем...» Предварительный смотр батальона прошел с 12-балльной отметкой. На женщинах-солдатах были особые погоны – белые с продольными черной и красной полосой, а на правом рукаве гимнастерки – красно-черная стрела углом вниз. Кстати, 2-я рота 1-го Петроградского женского Батальона смерти, которая охраняла Зимний дворец в октябре 1917 г., на фронте никогда не была и состояла как раз из получивших от Бочкаревой «отвод» за «легкое поведение».

21 июня 1917 г. батальон в новом обмундировании стоял на площади перед Исаакиевским собором. Прошел торжественный молебен при стечении больших толп народа и построенных частях Петроградского гарнизона. Члены правительства и генералы провожали батальон на фронт. Унтер-офицер Мария Бочкарева, впервые в истории Русской Армии, принимала из рук архиепископа Боевое Знамя. Фамилия Марии была золотом вышита на Знамени, которое в случае ее гибели должно было быть возвращено в собор как святыня и никогда не будет служить другому командиру. Батальону передали и фронтовой подарок – серебряные иконы от солдат 1-й и 3-й армии с изображением Божьей Матери и Георгия Победоносца. Генерал Корнилов, представлявший командование армии, вручил Марии револьвер и саблю с золотыми памятными планками на рукоятке и эфесе. Керенский произвел Бочкареву в офицеры и прицепил тут же погоны прапорщика. Повсюду были овации и возгласы: «Да здравствует Бочкарева!»

Закончился этот удивительный день, похожий на сон, и 24 июня батальон выступил на фронт. На фронте батальон придали 525-му пехотному полку. Солдаты встретили батальон насмешками и скотским поведением. Бочкарева вспоминала, «... что никогда прежде не встречала такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы, называемой солдатами». Это был плод большевистской пропаганды в своем законченном виде. Женский батальон представлял собой слишком резкий контраст по сравнению с этой бандой. Несмотря на суровую дисциплину, Бочкарева пользовалась непререкаемым авторитетом среди своих «солдатиков», как она сама любовно называла бойцов батальона.

8 июля 1917 г. в 3 часа должно было начаться наступление – первый бой батальона. Он занимал позицию в передней линии окопов, поддерживаемый с флангов другими ротами. Все ждали сигнала к атаке... Но целый корпус замитинговал – идти в атаку или не идти? В этом постыдном занятии защитники отечества провели весь день... Когда уже сгущались вечерние сумерки, к женскому батальону подошли 75 офицеров во главе с командиром 525-го полка подполковником Ивановым и 300 оставшихся верными Присяге солдат. Они попросили разрешения у Бочкаревой стать в строй батальона. Было принято общее решение наступать, чтобы тем самым пристыдить солдат и заставить их подняться в атаку. Общее командование приняла на себя прапорщик Бочкарева. Командованию было доложено о принятом решении. Солдаты на обоих флангах батальона издевались и зубоскалили: «Ха-ха! Вот это наступление – бабы и офицеры!»

Цепь построили так, что каждую женщину прикрывали с обеих сторон мужчины. Офицеры распределились на равном расстоянии по всей цепи. И вот батальон двинулся в атаку! Немцы открыли огонь, появились первые убитые и раненые. Время от времени женщины и офицеры оглядывались назад, – не встают ли солдаты? А солдаты продолжали уже заворуженно смотреть на эту уходящую в сумерки цепь. Какая-то жалкая тысяча шла, не кланяясь пулям, на прорыв немецкого фронта! И вот что-то проснулось и зашевелилось в окопах, людские массы обогнали батальон справа и слева и заняли с ходу первую и вторую траншеи немцев. Надо дальше – в третью! Но новый враг стал на пути солдата – в немецких траншеях оказалось в изобилии водки и пива. Многие с остервенением набросились на спиртное... Батальон опять остался один против накапливающих силы для контратаки немцев. Немецкие атаки следовали

одна за другой, но непоколебимо, как некогда 300 спартанцев, стояли 300 русских женщин на пути полчищ неприятеля. В этой безнадежной ситуации, когда дорог был каждый штык и каждый выстрел в сторону неприятеля, Бочкарева застала одну из своих девушек с каким-то солдатом занимающимся любовью за стволом дерева. Бочкарева вспоминала, что не в себе от ярости «...проткнула девку штыком, а солдат успел убежать».

После боя в строю осталось 200 женщин-солдат. Батальон потерял 30 убитых и 70 раненых. Бочкарева была произведена в чин подпоручика, а впоследствии – в поручики. А в это время уже по всей стране шло формирование женских частей. Военный совет 29 июня утвердил положение «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев». Официально на октябрь 1917 г. числились: 1-й Петроградский женский Батальон смерти, 2-й Московский женский Батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон. Были организованы и женские команды связи: в Петрограде – 2, в Москве – 2, в Киеве – 5, в Саратове – 2. Стихийное формирование женских отрядов шло в Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке, Смоленске, Иркутске, Баку, Одессе, Мариуполе. В июне был объявлен приказ о формировании первой Морской женской команды. В самой армии формировались исключительно добровольческие ударные батальоны смерти. Даже солдаты-инвалиды по примеру женщин организовывали свои отряды и возвращались в строй.

Большевистский переворот ставит батальон в невыносимое положение. Солдаты готовы разорвать женщин на куски, поскольку те продолжают отважно выполнять свой воинский долг. Бочкарева распускает батальон, снабдив девушек гражданским платьем и документами. Трогательные были последние минуты прощания боевых соратниц...

Бочкарева едет домой, но по пути в Петрограде ее арестовывают и отбирают врученное Корниловым оружие. Происходит разговор с Лениным и Троцким, которые убеждают ее встать на сторону «народа». Несмотря на то что Мария твердо заявила им о том, что они погубят страну, ее отпускают с документами и билетом до дома. 7 января 1918 г. она получает телеграмму из Петрограда от одного из генералов с просьбой приехать. Подпольная офицерская организация просит ее установить связь с генералом Корниловым, который уже формировал Добровольческую армию на Дону. Не видя для себя возможности принимать непосредственное участие в Гражданской войне, Бочкарева решает помочь Белому движению другим путем. По поручению генерала Корнилова она едет в США просить помощи для борьбы с большевистской властью.

Ее появление в военной форме с крестами и медалями произвело фурор. Для нее открылись двери домов многих высокопоставленных лиц. Она встречалась с министром обороны и госсекретарем США. Здесь же она надиктовала свои воспоминания одному из бывших соотечественников. А дальше – Англия, встречи с Черчиллем и королем Георгом V. По возвращении в Россию, 10 ноября 1919 г., Бочкарева встречается с адмиралом Колчаком. Формирует по его поручению женский санитарный отряд в 200 человек. Однако армии Колчака отходят, и Мария возвращается в Томск.

7 января 1920 г. она была арестована. В заключение к окончательному протоколу ее допроса от 5 апреля 1920 г. следователь Поболотин отметил, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана... Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника Особого отдела ВЧК 5-й армии». 21 апреля было принято решение передать Бочкареву в Особый отдел ВЧК г. Москвы, но 15 мая это решение было пересмотрено и принято новое – Бочкареву расстрелять. На стертой от времени обложке уголовного дела была сделана синим карандашом приписка: «Исполнено пост. 16 мая». Так в возрасте 31 года погибла эта замечательная женщина-патриот.

В парижском журнале русской военной эмиграции «Военная быль» в 1969 г. было напечатано стихотворение, которое вполне могло быть походной песней женского Батальона смерти:

Со всех сторон России
Пришли мы воевать...
Поднялись мы стихийно
За право умирать...
Нам нет домой возврата —
Отвергла нас семья...
Мы женщины-солдаты,
Пусть примет нас земля...
Мы братьям будем сменой —
Не побежден ведь враг.
Мы не хотим измены,
Стоим за свой очаг!
Мы отреклись от жизни,
У нас одна мечта:
Служить своей отчизне
И победить врага!
Нам нет домой возврата,
Мы – за России честь,
Мы – женщины-солдаты,
И нам награда – смерть!

Родин И.В., член Украинского института всеобщей истории

Введение

В начале лета 1917 года весь мир был потрясен известием из Петрограда о том, что некая Мария Бочкарева формирует из женщин боевую часть под наименованием Батальон смерти. Это сообщение открыло прежде никому не известной русской крестьянке путь к всемирной известности.

Простолюдинка из далекой российской провинции, Мария Бочкарева неожиданно оказалась в центре внимания современной прессы. С ней искали встречи иностранные корреспонденты, ее преследовали фотографы, выдающиеся люди спешили засвидетельствовать ей почтение. И каждый по-своему пытался рассказать об этой удивительной личности. В результате возник поток дезинформации и кривотолков.

Из всех многочисленных публикаций о Бочкаревой и интервью, взятых у нее и попавших мне на глаза, вряд ли найдется хоть один материал, не содержащий ложных или ошибочных заявлений. Это отчасти объясняется тем достойным сожаления фактом, что иностранные журналисты, знакомившие мир с русскими людьми и событиями в России в памятном 1917 году, за редким исключением, не знали русского языка, но отчасти также и тем, что сама Бочкарева не желала доверяться всякому предприимчивому чужестранцу – искателю приключений. И все же она мечтала о том, чтобы когда-нибудь ее жизнь была описана в книге.

Мечта Марии Бочкаревой нашла воплощение в данном произведении, по своему характеру весьма напоминающем исповедь. Находясь в Соединенных Штатах летом 1918 года, Бочкарева решила подготовить автобиографию. Если бы она была достаточно образованной и могла легко излагать мысли на бумаге, то, вероятно, написала бы историю своей жизни по-русски, а затем позволила бы перевести ее на английский язык. Но, будучи малограмотной, она сочла необходимым воспользоваться услугами литератора, владеющего ее родным языком, единственным, который она знала. Процедура написания книги сводилась к следующему: Бочкарева рассказывала мне по-русски свою историю, а я записывал ее уже по-английски, стараясь сделать запись дословной. Нередко я прерывал рассказ вопросом с целью оживить в ее памяти какие-то забытые эпизоды и переживания. А между тем один из природных талантов Бочкаревой – блестящая память. Ей потребовалось почти 100 часов в течение трех недель, чтобы пересказать мне во всех деталях романтическую историю своей жизни.

В ходе нашей первой встречи Бочкарева дала ясно понять, что все, о чем она собирается мне поведать, серьезно отличается от баек, сочиненных про нее в прессе. Ей хотелось рассказать о самом сокровенном и впервые открыть для всех тайные страницы своего прошлого. Она это сделала и тем самым полностью развеяла несколько расхожих выдумок о себе. Вероятно, одной из главных среди них было сообщение о том, будто Бочкарева пошла в армию солдатом и участвовала в Первой мировой войне, чтобы отомстить за убитого мужа. Собственная ли это ее выдумка или изобретение какого-то борзописца-корреспондента – трудно сказать. Но так или иначе, это был вполне подходящий ответ-отговорка на извечный вопрос докучливых журналистов о том, каким образом и почему она стала солдатом. Не умея объяснить миру с его условностями и стереотипами причин того страстного порыва, который фактически определил ее необычную судьбу, она использовала эту отговорку до тех пор, пока не появилась возможность записать всю историю ее наполненной отвагой жизни.

Эта книга позволит также преодолеть основанное на непонимании недоверие к Бочкаревой со стороны радикалов. Когда она приехала в Соединенные Штаты, экстремисты тут же заклеили ее как контрреволюционерку, монархистку и злобную интриганку. Допущена величайшая несправедливость по отношению к ней. Она несведуща в политике, презирает интриги и духовно стоит выше всякой партийной борьбы. Ее миссией в жизни было освобождение России от германского ярма.

Поставленный фактически в положение исповедника, я получил привилегию познать душу этой необычной крестьянки – привилегию, которую всегда буду считать бесценной. Она не только рассказала мне о своей удивительной жизни во всех подробностях, какие только могла воспроизвести ее память, но и открыла свои сердечные тайны. Такими откровениями она не устаивала даже своих друзей. Испытывая в самом начале нашей совместной работы некоторое предубеждение к собеседнице, я вскоре был покорен широтой ее души.

В чем величие Бочкаревой? Г-жа Эмелин Панкхерст называла ее величайшей женщиной века. «Женщиной, спасшей Францию, была крестьянская девушка Жанна д'Арк, – писал один из корреспондентов в июле 1917 года. – Мария Бочкарева – ее современный аналог». В самом деле, с эпохи Орлеанской девы и до наших дней мы не найдем в анналах истории среди женщин личности, равнозначной Бочкаревой. Подобно Жанне д'Арк, эта русская крестьянка посвятила свою жизнь защите Отечества. И хотя дело Бочкаревой не имело успеха (правда, с этим еще неясно, ибо вряд ли кто отважится предсказать судьбу России), это не снижает величия ее подвига. Успех в наш материалистический век не всегда может служить мерилем истинной гениальности.

Как и Жанна д'Арк, Бочкарева олицетворяет свою страну. Может ли быть более яркий символ Франции, чем образ Жанны д'Арк? Столь же удивительно Мария Бочкарева со всеми ее добродетелями и пороками символизирует крестьянскую Россию. Выучившаяся лишь настолько, чтобы с трудом нацарапать свое имя, она тем не менее наделена логикой гения. Ее ясный природный ум позволяет ей при полном незнании истории и литературы свободно говорить о самых главных жизненных проблемах и истинах. Верящая в Бога со всей страстностью своей простой души, она в то же время обладает терпимостью философа. Преданная стране всем своим существом, она лишена пылких политических пристрастий и эгоистического патриотизма. Преисполненная благородства и доброты, она способна и на бешеные вспышки гнева, и на жестокие поступки. Наивная и доверчивая, как дитя, она легко возбуждается в конфликтных ситуациях. Как воин, она отличается безумной отвагой, отчаянной храбростью и страстным, подчас необычайно трогательным жизнелюбием. Одним словом, Бочкарева воплощает в себе все те парадоксальные особенности русской природы, которые делают Россию загадкой для всего мира. Свидетельство тому можно найти почти на каждой странице книги. Снимите с России налет западной цивилизации, и вы увидите, что Мария Бочкарева является ее олицетворением. Познакомьтесь с Бочкаревой, и вы познаете Россию – этот только что рожденный в муках, непобедимый, упорно борющийся колосс, поднимающийся во всю свою мощь и ширь.

Вполне понятно, что мотивы, приведшие к созданию этой книги, носили сугубо личный характер. В своей основе моя работа – в чистейшем виде человеческий документ, запись событий необычайно бурной жизни. Для Бочкаревой и меня, как автора, главным в повествовании было точное воспроизведение фактов. И поистине эта запись оказалась ценной не только как мемуарное произведение, запечатлевшее историю жизни незаурядной личности, но и как летопись, в которой нашли отражение определенные этапы важного периода в истории человечества; не только как биографический, но и как исторический документ. Поскольку Бочкаревой всегда была чужда какая-либо политическая приверженность, и сейчас она продолжает придерживаться этой позиции; поскольку она не претендует на оценку людей и событий, ее откровения приобретают особое значение. Читатель получит также представление о Керенском и его деятельности, которое целиком перечеркивает все сказанное до сих пор об этом трагическом, но очень типичном порождении российской интеллигенции. Корнилов, Родзянко, Ленин, Троцкий и другие знаменитые деятели российской революции предстают на страницах этой книги как живые.

Насколько мне известно, пока еще не издано ни одной книги, рассказывающей о том, как русская армия на фронте реагировала на революцию. Каковы были умонастроения русских

солдат в окопах, ставшие в конечном счете решающим фактором в последующем развитии событий в первые месяцы 1917 года? История России, освобождающейся от оков, не будет полной без ответа на этот важный вопрос. Данная книга – первая попытка выявить моральное состояние многочисленной русской армии на фронте и показать ее реакцию на революционные события в России и возникшие в связи с этим грандиозные проблемы. Особую значимость эта книга имеет потому, что в ней выражены мысли и настроения рядового солдата-ветерана из крестьян.

Вероятно, наибольший интерес для нас в книге представляет ужасающая картина – большевизм в действии. Против теоретических посылок большевиков о создании государства социальной справедливости на земле Бочкарева ничего не имеет. Она сказала об этом в беседе лично Ленину и Троцкому. Но вот она на своем горьком опыте познала практику большевизма – ее леденящий душу рассказ о власти толпы навсегда останется в памяти читателя.

Бочкарева уехала из Соединенных Штатов в конце июля 1918 года, добившись встречи с президентом Вильсоном. Отсюда она направилась в Англию и далее – в Архангельск, куда прибыла в начале сентября. Согласно газетным сообщениям, она подготовила следующее воззвание для распространения в сельских общинах и церковных приходах:

«Я, русская крестьянка и солдат Мария Леонтьевна Бочкарева, по просьбе солдат и крестьян поехала в Америку и Англию, чтобы просить у них военной помощи для России.

Союзники понимают наши беды, и теперь я вернулась сюда с союзными войсками, которые пришли только для того, чтобы помочь изгнать нашего общего смертельного врага – германца, но не вмешиваться в наши внутренние дела. Когда война закончится, войска союзников оставят русскую землю.

Я со своей стороны призываю всех верных и свободных сыновей России, независимо от партийной принадлежности, сплотиться воедино и действовать совместно с вооруженными силами союзников, которые под российским флагом идут освобождать Россию от германского ярма и хотят всеми средствами помочь новой, свободной российской армии разгромить врага.

Солдаты и крестьяне! Помните, что только полное и окончательное изгнание немцев с нашей земли даст России ту свободу, к которой вы стремитесь».

Исаак Дон Левин Нью-Йорк Ноябрь 1918 года

Часть первая Юность

Глава первая. С малых лет в труде

Мой отец Леонтий Семенович Фролков родился в семье крепостного крестьянина в деревне Никольское Новгородской губернии, в трехстах верстах к северу от Москвы. Ему было пятнадцать, когда Александр II освободил крестьян в 1861 году, и он отчетливо помнит это историческое событие, восхищаясь им даже теперь всякий раз, когда рассказывает о времени своего детства. Призванный в армию в начале семидесятых, он участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов и, проявив храбрость, был удостоен нескольких медалей. В солдатах он научился читать и писать, а потому был произведен в унтер-офицеры.

Возвращаясь домой после окончания войны, он проходил рыбацким поселком Чаронда, расположенным на берегу озера в Кирилловском уезде, что в сорока верстах от Никольского. Уже не простой мужик по обличью, с военной выправкой и позвякивавшими в кармане монетами, он произвел впечатление на жителей бедной Чаронды. Там он встретил мою мать Ольгу, старшую дочь Елизара Назарева, вероятно, самого незадачливого жителя этого поселка.

Елизар с женой и тремя дочерьми жил в ветхой лачуге на песчаном берегу озера. Он был так беден, что не мог позволить себе купить лошадь, чтобы отвозить свой улов в город, и вынужден был продавать его заезжему скупщику по цене гораздо ниже рыночной. Вырученных таким образом денег не хватало даже на то, чтобы прокормиться.

Хлеб в этой маленькой хижине всегда был роскошью. Земля же вокруг была непахотной. Жена Елизара нанималась к более зажиточным крестьянам в ближайшей округе на тяжелую работу от зари до зари за десять копеек в день. Но даже этот дополнительный заработок не всегда удавалось добыть. Тогда Ольгу посылали просить подаяние в соседних деревнях.

Однажды, когда ей было не больше десяти лет, маленькая Ольга попала в страшную беду, о которой она впоследствии не могла вспоминать без ужаса. Возвращаясь домой с корзиной, полной кусков хлеба, выпрошенных в нескольких деревнях, уставшая, но счастливая от успешно выполненного поручения, она шла так быстро, как только могла. Дорога вела через лес. Внезапно она услышала вой целой стаи волков. Сердце у Ольги замерло. Ужасающие завывания раздавались все ближе. От сильного испуга она потеряла сознание и упала на землю.

Когда пришла в себя, вокруг никого не было. Волки, по-видимому, понюхали ее бесчувственное тело и ушли. Хлеб и корзинка были разбросаны по сторонам, втоптаны в грязь. Оставив в лесу свою драгоценную ношу, задыхаясь она прибежала домой.

Вот в таких условиях и жила моя мать, пока ей не исполнилось девятнадцать лет, когда она привлекла к себе внимание Леонтия Фролкова, задержавшегося в Чаронде по пути домой с войны. Он даже купил ей в подарок пару ботиночек. Это были первые в ее жизни ботинки, и, конечно, он окончательно покорила этим сердце скромной и робкой Ольги. Она с радостью согласилась выйти за него замуж.

После свадьбы молодая чета переехала в Никольское, родную деревню отца, где ему досталась в наследство небольшая полоска земли. Они обрабатывали ее вместе и с большим трудом сводили концы с концами. Там родились две моих старших сестры, Арина и Шура, прибавив нищеты моим родителям. К этому времени отец стал пить и начал дурно обращаться с женой, избивая ее. По натуре он был угрюмым и себялюбивым. Нужда же сделала его теперь еще и жестоким. Жизнь матери с ним стала просто несчастьем. Она постоянно была в слезах, всегда просила пощады и обращалась с молитвами к Богу.

Я родилась в июле 1889 года третьей дочерью в семье. В ту пору по всей стране строилось много железных дорог. Когда мне исполнился год, отец, чья воинская часть располагалась некогда у Царского Села, решил уехать в Петроград поискать работу. Мы остались совсем без денег. Писем от отца не было. Находясь на грани голодной смерти, мать каким-то образом сумела с помощью добрых соседей сохранить жизнь себе и своим детям.

Когда мне было около шести, от отца пришло письмо – первое, написанное им за пять лет отсутствия. Он сломал правую ногу, но обещал приехать домой, как только сможет двигаться. Мать горько плакала, услышав эту новость, но обрадовалась вести от отца, которого уже считала погибшим. Несмотря на жестокое обращение мужа, она все еще его любила. Я помню, как мать была счастлива, когда отец приехал, но это счастье продолжалось недолго. Нищета и невзгоды одолели нас. Характер у отца стал еще более жестоким. Не прошло и года, как в семье появился четвертый ребенок – еще одна девочка. А в доме не было хлеба.

Со всей нашей округи крестьяне тогда переселялись в Сибирь, где правительство давало им бесплатно большие наделы земли. Мой отец тоже говорил об отъезде, но мать была против. Однако, когда наш сосед Веревкин, уехавший незадолго до того в Сибирь, прислал письмо, в котором в ярких красках описал новые места, отец принял решение ехать.

Многие мужики уезжали в одиночку. Они получали там наделы, обрабатывали их, строились и только потом возвращались за своими семьями. Те же, у кого хватало денег, чтобы преодолеть трудности, сразу брали семьи с собой. Но мы были настолько бедны, что к тому времени, когда добрались до Челябинска, резиденции правительственной комиссии, распределявшей земли, у нас не осталось ни копейки. На каждой станции, пока мы ехали, отец добывал немного кипятку, а мои старшие сестры отправлялись просить хлеба.

Нас распределили в Кусково, село в ста верстах за Томском. На каждой станции мои сестры просили еду, а отец наполнял наш чайник кипятком. Так мы добрались наконец до Томска. Наш земельный надел находился в центре тайги, посреди девственного сибирского леса. Нечего было и думать о том, чтобы сразу там поселиться, поэтому отец остановился в Томске, отослав нас всех в Кусково. Мои сестры начали работать за харчи и одежду. Мать, еще сильная и крепкая женщина, пекла хлеб, платя этим за жилье, а я нянчилась с младенцем.

Однажды мать ожидала каких-то гостей. Она испекла пироги и купила полбутылки водки, которую поставила на полку. Пока она работала, я пыталась укачать ребенка. Но малышка непрерывно плакала. Я не знала, как ее успокоить. И тут мой взгляд упал на бутылку с водкой.

«Наверное, это поможет», – подумала я и решила дать ребенку стопку водки.

Но прежде чем сделать это, я попробовала выпить сама. Рот обожгло, но почему-то захотелось еще. Я выпила стопку, и ожога больше не ощущалось. Выпила вторую. И таким манером расправилась со всей бутылкой. Совсем ослабевшая и полусонная, я взяла малышку на руки и попыталась ее убаюкать. Но зашаталась и свалилась на пол вместе с ребенком.

Мать прибежала и нашла нас там орущими во все горло. Тут явились гости, и мама хватилась бутылки. Виновного долго искать не пришлось. Я никогда не забуду трепки, которую мне задали по этому случаю.

К зиме из Томска приехал отец. Он привез немного денег. Зима была суровой, и в округе свирепствовали болезни. Мы все заболели по очереди – сначала отец, потом мать, за ними и все девчонки. Так как в доме не было ни крошки хлеба и денег, чтобы что-то купить, о нас стала заботиться община и до весны кормила и помогала нам. Чудом избежали мы смерти, но наша одежда превратилась в лохмотья, а обувь совсем развалилась. И родители решили переехать в Томск, куда мы и прибыли однажды, босые и вконец оборвавшиеся. С трудом отыскивали себе пристанище в какой-то убогой ночлежке на окраине города.

Отец был ленив и работал лишь два дня в неделю. Остальное время проводил в безделье и пьянстве. Сестры работали няньками, мать трудилась в пекарне, забрав туда с собой меня

и малышку. Спали мы с ней на сеновале конюшни, прислушиваясь к тому, как лошади внизу бьют копытами. Нашей постелью была охапка сена, брошенная на настил из неструганных досок, положенных поперек бревен. Вскоре жена булочника стала возражать против лишнего рта, то есть против меня. В ту пору мне было чуть больше восьми лет.

– Почему ты не пошлешь ее работать? Она уже должна зарабатывать себе на хлеб, – заявляла хозяйка.

Мать прижимала меня к груди, плакала и умоляла сжалиться над нами. Но хозяйка становилась все настойчивее, грозясь выкинуть нас на улицу.

Наконец однажды отец пришел навестить нас и принес хорошую весть: он нашел для меня работу. Я должна была смотреть за пятилетним мальчиком за харчи и восемьдесят пять копеек в месяц.

– Если будешь стараться, – напутствовал отец, – то скоро станешь получать и рубль.

Так началась моя жизненная карьера. Мне исполнилось восемь с половиной лет, и я была очень худенькая. Никогда раньше не отрывалась я от мамкиного подола, и поэтому обе мы горько плакали при расставании. Мрачным, тягостным и непонятным был тот мир, куда вел меня отец. От потоков пролитых слез остались лишь смутные воспоминания о том времени моей жизни.

Несколько дней мне пришлось присматривать за маленьким мальчиком. Однажды после обеда, забавляя его смешными фигурами, нарисованными мною на песке, я настолько увлеклась игрой, что стала спорить со своим подопечным, и закончилось это дракой. Помню острое ощущение своей правоты. Но мать мальчишки не пожелала разобраться. Она услышала его вопли и отхлестала меня.

Я была глубоко оскорблена незаслуженной трепкой, полученной от незнакомой женщины.

– Где моя мама? Почему она не придет отомстить за меня? – рыдала я.

Но она не откликнулась на мои причитания. И никто не отозвался. Я чувствовала себя несчастной. Каким же злым был этот мир, каким несправедливым! Просто жить не хотелось.

Мои ноги были босы. Платье все в лохмотьях. И казалось, никому до меня нет дела. Я была совсем одинока, без друзей и подруг, и никто не знал об острой тоске, раздиравшей мое сердце. Утоплюсь, подумала я. Да, побегу к реке и утоплюсь. А потом полечу, не чувствуя никакой боли, прямо к Господу.

Я решила ускользнуть из дома при первой же возможности и прыгнуть в реку, но, прежде чем представился такой случай, меня навестил отец. Он застал меня всю в слезах.

– Что случилось, Манька? – спросил он.

– Хочу утопиться, папа, – ответила я горестно.

– Боже милосердный! Да что стряслось-то, глупая ты девчонка?

Тут я все ему выложила начистоту и стала просить отвести меня к матери. Он приласкал меня, но сказал, что мать расстроится, если я брошу эту работу. Он пообещал купить мне пару туфель, и я осталась.

Но пробыла я там недолго. Мальчонка, увидев, как его мать меня наказала, стал этим пользоваться и сделал мою жизнь вовсе невыносимой. В конце концов я убежала от них и целый день до темноты бродила по городу, разыскивая свою мать. Было уже совсем поздно, когда меня всю в слезах подобрал на улице полицейский и отвел в участок. Дежурный по околотку взял меня к себе домой на ночевку.

Дом у него был довольно большой. Я в таком раньше никогда не бывала. Когда я утром проснулась, мне показалось, что в этом доме уж слишком много дверей. Захотелось узнать, что находится за ними. Открыв одну из дверей, я увидела того самого полицейского. Он спал на кровати, а рядом с ним лежал пистолет. Я хотела быстро уйти, но он пробудился, схватил пистолет и спросонья стал угрожать им мне. Испугавшись, я выбежала из комнаты.

Между тем отцу сообщили о моем побеге, и он пошел в полицейский участок, чтобы разыскать меня. Его направили в дом того самого полицейского. Там он и нашел меня плачущей на крыльце и отвел к маме.

Вскоре мои родители решили обзавестись своим жильем. Весь их капитал составлял не более шести рублей. Они сняли за три рубля в месяц помещение в подвале одного дома. На два рубля отец приобрел кое-какую подержанную мебель – колченогий стол, лавки – и кое-что из кухонной утвари. На несколько копеек, оставшихся от последнего рубля в кошельке, мама приготовила нам какую-то еду. А меня послали купить на копейку соли.

Бакалейной лавкой на нашей улице владела еврейка Настасья Леонтьевна Фуксман. Она оглядела меня внимательно, когда я вошла в лавку, поняла, что я чужая в этом околотке, и спросила:

– Ты чья?

– Я дочь Фролковых. Мы только что поселились в подвале соседнего дома.

– Мне нужна девочка помогать по дому. Хочешь у меня работать? – спросила она. – Я положу тебе рубль в месяц и стол.

Я была вне себя от радости и стремглав бросилась домой, так что прибежала к матери, совсем запыхавшись. Я рассказала ей о предложении, которое мне сделала бакалейщица.

– Только, – замялась я, – она ведь еврейка.

Я слышала так много разного про евреев, что боялась жить под одной крышей с еврейкой. Мать успокоила мои страхи на этот счет и отправилась в бакалею побеседовать с хозяйкой. Вернулась она довольная, и таким образом я попала в услужение к Настасье Леонтьевне.

Легкой эта жизнь не была. Я научилась обслуживать покупателей, бегать куда пошлют, делать все по дому – от варки и шитья до мытья полов. Весь день я работала до изнеможения, а ночью спала на старом сундуке в коридоре между бакалейной лавкой и квартирой. Мое месячное жалованье целиком шло матери, но этих денег никогда не хватало, чтобы отогнать от нашего дома призрак голодной смерти. Отец зарабатывал мало, а пил много и становился все более жестоким.

Со временем жалованье мое увеличилось до двух рублей в месяц. Но я росла, и мне требовалось больше одежды, которую мать покупала на заработанные мною деньги. Настасья Леонтьевна была требовательной хозяйкой и нередко наказывала меня. Но она и любила меня как дочь и всегда стремилась помириться со мной после серьезных взбучек. Я ей многим обязана, поскольку она научила меня почти всему, что положено знать в торговле и в работе по дому.

Мне было, вероятно, около одиннадцати лет, когда я в припадке злости поссорилась с Настасьей Леонтьевной. Ее брат часто посещал театр и постоянно говорил о нем. Я не совсем понимала, что это такое, но мне было любопытно, и однажды вечером я задумала поглядеть на этот дом чудес. Я попросила у Настасьи Леонтьевны денег, чтобы пойти туда. Она ответила отказом.

– Ах ты, маленькая мужичка! Да что тебе до этого театра? – спросила она насмешливо.

– А ты ср... жидовка! – отрывисто бросила я ей в лицо и выбежала из лавки.

Я пошла к маме и рассказала ей о происшедшем. Она была в ужасе.

– Да ведь теперь тебя не возьмут назад. Что же мы тогда будем делать без твоего жалованья, Маруся? Как будем платить за квартиру? Придется опять просить милостыню, – плача, причитала она.

Но через некоторое время моя хозяйка пришла за мной и выбрала меня за мою горячность.

– Откуда мне было знать, что тебе так хочется пойти в театр? – спрашивала она. – Ну ладно. Я буду давать тебе пятнадцать копеек каждое воскресенье. Можешь туда ходить.

И по воскресным дням я стала завсегдаем галерки, с огромным интересом следила за игрой актеров, за их необычными жестами и за тем, как они говорят.

Пять лет я работала у Настасьи Леонтьевны, взваливая на себя с годами все больше дел. Рано поутру я вставала, открывала ставни, месила тесто и мела или скребла полы. В конце концов этот однообразный тяжелый труд стал мне надоедать, и я начала подумывать о том, чтобы найти другую работу. Но мать была больна, отец работал все меньше и меньше и почти все время пил. Он сделался еще более жестоким, колотил нас всех беспощадно. Старшие сестры вынуждены были уйти из дома. Шура вышла замуж шестнадцати лет, и я, четырнадцатилетняя девчонка, осталась главной опорой семьи. Часто появлялась необходимость брать жалованье вперед, чтобы избавить семью от голода.

Однажды у меня внезапно появилось искушение совершить кражу. До этого я никогда ничего чужого не брала, и Настасья Леонтьевна то и дело отмечала это мое достоинство в разговоре со своими друзьями.

– Эта мужичка никогда не крадет, – говорила она.

Но вот как-то, распаковывая коробку с сахаром, доставленную в лавку, я обнаружила в ней семь головок сахара вместо положенных шести. Желание взять лишнюю головку сахара было непреодолимым. Ночью я потихоньку стащила ее из лавки и отнесла домой. Отец обомлел.

– Ты что натворила, Маруся? Сейчас же отнеси обратно! – приказал он.

Я начала плакать и сказала, что сахар на самом деле не из лавки Настасьи Леонтьевны, что это ошиблись на сахарном заводе. Тогда отец разрешил оставить головку дома.

Я вернулась в лавку и легла спать. Но заснуть никак не могла: мучила совесть. «А если она догадается, что одной головки недостает? – думала я. – Если узнает, кто украл?»

И меня охватило чувство стыда. На следующий день я уже не могла смотреть прямо в глаза Настасье Леонтьевне. Чувствовала себя виноватой. Лицо горело. При каждом ее движении или жесте сердце у меня сжималось в предчувствии страшного разоблачения. Наконец она заметила, что со мною творится неладное.

– Что с тобой, Маруся? – спросила она, притянув меня к себе. – Тебе нездоровится, что ли?

Это было еще мучительней. Совершенный грех становился все тяжелее и тяжелее. И вскоре стал невыносимым. Совесть никак не успокаивалась. По проществу нескольких беспокойных дней и бессонных ночей я решилась сознаться. Войдя в спальню Настасьи Леонтьевны, когда та спала, я опустилась на колени и разрыдалась. Она проснулась в тревоге:

– Что случилось, детка? Что с тобой?

Плача, я выложила ей всю историю совершенной кражи, прося прощения и обещая никогда больше не воровать. Настасья Леонтьевна успокоила меня и отправила спать. Но моим родителям она простить не смогла. На следующее утро она пришла к нам домой и отчитала моего отца за то, что он не возвратил сахар сразу и не наказал меня. Унижение и стыд, в которые были повергнуты мои родители, не знали границ.

По воскресеньям я была дома, помогая матери по хозяйству. Ходила по воду к колодцу, который находился довольно далеко. Мать целыми днями пекла хлеб, а отец относил его на базар, продавая по десяти копеек за булку. Нрав его становился все более жестоким, и я уже привыкла, приходя домой, видеть мать во дворе всю в слезах, когда отец возвращался в пьяном виде.

Мне исполнилось пятнадцать, и я начала тяготиться своей участью. Во мне зарождались жизненные силы, пробуждавшие мое воображение. Все, что происходило за пределами того ограниченного мирка, в котором я жила и трудилась, звало меня, манило, завлекало. Впечатления о другом мире, которые я получила в театре, оставили глубокий след в моей душе и порождали волнующие чувства. Мне хотелось красиво одеваться, ходить на гулянки, наслаждаться

удовольствиями жизни. Хотелось учиться, иметь деньги, чтобы навсегда избавить родителей от нищеты и голода. Хотелось хотя бы денек пожить беспечной жизнью, а не вставать с солнцем, чтобы скрести полы или стирать одежду.

Ах, чего я только не отдала бы за то, чтобы испытать все улады, все радости жизни! Но, казалось, мне они были заказаны. Все дни напролет я батрачила в маленькой лавке и на кухне. И никогда не имела лишнего рубля. В моей душе назревал протест против этого унылого, бесцельного и беспросветного существования.

Глава вторая. Замужем в пятнадцать лет

Началась Русско-японская война. А вместе с ней Сибирь, от Томска до Маньчжурии, забурлила новой жизнью. Она всколыхнула и нашу улицу, до тех пор безжизненную и ничем не привлекательную. Напротив бакалейной лавки Настасьи Леонтьевны сняли комнаты два офицера, братья Лазовы, один из которых был женат. Молоденькая мадам Лазова совсем не умела вести домашнее хозяйство. Как-то она увидела меня в лавке и предложила перейти к ней в дом и работать за семь рублей в месяц.

Предложение было столь заманчивым, что я тут же согласилась. Чего только не сделаешь с такой кучей денег! Еще бы, ведь после уплаты за аренду нашего подвала мне оставалось целых четыре рубля. Четыре рубля! Этого хватит, чтобы купить новое платье, пальто или пару модных ботиночек. Кроме того, это давало шанс освободиться от рабства у Настасьи Леонтьевны.

Я взяла на себя все заботы по домашнему хозяйству Лазовых. Это были добрые и обходительные люди, принявшие живое участие в моей судьбе. Они научили меня правильно вести себя за столом и всяким приличным манерам, а также следили за тем, чтобы я выглядела чистой и опрятной.

Молодой поручик Василий Лазов начал обращать на меня внимание и однажды вечером пригласил на прогулку. Со временем интерес Василия ко мне усилился. Мы много раз ходили вместе гулять. Он ласкал и целовал меня. Возникла близость. Понимала ли я все значение этого? Вряд ли. Все было так ново для меня, так удивительно, так заманчиво. Когда он приближался ко мне, сердце мое начинало бешено стучать. И щеки пылали жаром юности.

Василий говорил, что любит меня. Любила ли я его? Если и любила, то больше за то, что он должен был ввести меня в новый, удивительный мир. Он обещал жениться на мне. Так ли уж я хотела выйти за него замуж? Думаю, не очень. Замужество привлекало меня скорее возможностью освободиться от нудной, утомительной работы и нищеты, нежели чем-то еще. Притягательность замужества заключалась еще и в том, что я могла стать свободной, независимой и состоятельной.

Мне было пятнадцать с половиной, когда Василий соблазнил меня обещанием женитьбы. Мы жили с ним некоторое время, пока не пришел приказ, согласно которому Лазовым надлежало переехать в другую воинскую часть. Василий сообщил мне о приказе.

– Тогда давай поженемся побыстрее, пока ты не уехал, – заявила я.

Но Василий думал иначе.

– Это невозможно, Маруся, – сказал он.

– Почему? – спросила я резким голосом, чувствуя, как к горлу подступает комок.

– Да потому, что я офицер, а ты простая мужичка. Пойми, мы не можем пожениться сейчас. Марусенька, я люблю тебя, как и прежде. Давай сделаем так: я отвезу тебя к себе, ты поживешь с моими родителями, получишь образование, тогда и поженимся.

Со мной началась истерика, и, бросившись на него, как дикая кошка, я закричала не своим голосом:

– Ты подлец! Ты меня обманул! Ты меня никогда не любил! Ты негодяй! Пусть Бог тебя накажет!

Пытаясь успокоить, Василий придвинулся ко мне, но я резко оттолкнула его. Он плакал, умолял поверить ему, уверял, что любит меня и женится на мне. Но я не хотела его слушать и тряслась от гнева. Василий оставил меня в слезах.

Я не виделась с ним два дня, и с его братом и невесткой. Он исчез, а когда вернулся, на него было жалко смотреть: осунувшееся лицо, помятая одежда и запах водки ясно говорили о том, в каком распутстве он провел эти два дня.

– Ах, Маруся, Маруся, – причитал он, хватая меня за руки. – Что ты наделала, что ты наделала? Я любил тебя так сильно. А ты не захотела меня понять. Ты погубила и мою жизнь, и свою тоже.

Мое сердце сжималось от жалости к Василию. Но в то время жизнь для меня была лабиринтом со множеством тупиков, где все запутанно и обманчиво. Теперь мне ясно, что Василий меня не любил по-настоящему и что он ударился в дикий разгул, чтобы забыться и успокоить ту боль, которую я ему причинила. Если бы я его действительно любила, все было бы, наверное, по-другому. Но тогда я этого еще не понимала и у меня в голове была только одна мысль: он обещал жениться на мне и обманул. Однако замужество стало для меня символом независимой жизни и свободы.

Лазовы уехали. Они дали мне денег и множество подарков. Но мое сердце было похоже на заброшенную хижину в холодную зиму, в которой откликается эхом жуткий вой диких зверей. Вместо ожидаемой свободной жизни мне предстояло вернуться в комнату родителей в подвале. И глубоко в груди рождался страх перед неизвестностью...

Никому ничего не говоря, я возвратилась домой. Сестры уже заметили, что я изменилась. Возможно, они видели меня раз-другой вместе с Василием. Как бы там ни было, у них зародились подозрения, и они постарались сообщить об этом матери. И той не потребовалось долго рассматривать меня, чтобы установить, что из маленькой застенчивой девочки я превратилась в молодую женщину, переживающую пору расцвета. И с тех пор для меня начались дни и ночи нескончаемых терзаний.

Отец тоже вскоре учуял, что произошло у Лазовых. Он был безжалостен и набросился на меня с кнутом, избив до полусмерти, сопровождая каждый удар такими грязными словами, которые обжигали больше, чем кнут. Он избил и маму, когда она попыталась вступить за меня.

Теперь отец возвращался домой пьяным почти каждый день и сразу принимался меня истязать. Часто он выгонял меня вместе с матерью босыми из дому, и мы иногда часами стояли на снегу, прислонясь к ледяным стенам и дрожа от холода.

Жизнь стала сущим адом. День и ночь я молила Господа, чтобы мне заболеть или умереть. Но Бог оставался глух к моей мольбе. И все же я чувствовала, что только болезнь спасет меня от ежедневных побоев.

«Я должна заболеть!» – внушала я себе.

И вот я ложилась ночью на горячую печь, чтобы распарить тело, а потом выбегала наружу и каталась по снегу. Прodelывала это несколько раз, но ничего не добилась. Болезнь не брала меня.

В таких невыносимых условиях я встретила Новый, 1905 год. Замужняя сестра пригласила меня принять участие в ряженье по случаю Святка. Отец поначалу и слышать не хотел о том, чтобы я пошла на вечеринку, но после долгих уговоров согласился. Я нарядилась мальчишкой. Так впервые я надела мужскую одежду. После танцев мы пошли к друзьям моей сестры, где я познакомилась с солдатом, только что вернувшимся с фронта. Это был простой, грубоватый мужик, сыпавший неприличными словами, старше меня лет на десять. Он тут же начал за мной ухаживать. Звали его Афанасий Бочкарев.

Вскоре после этого я вновь встретила Бочкаревым в доме его замужней сестры. Он пригласил меня на прогулку, а потом вдруг сделал предложение. Это было столь неожиданно, что времени для размышлений у меня не оказалось. Я была согласна на все, лишь бы не подвергаться ежедневным мучениям дома. Уж если я искала смерти, чтобы освободиться от отца, то почему бы не выйти замуж за этого неотесанного мужика? И я не задумываясь согласилась.

Отец поначалу воспротивился моему браку, поскольку мне еще не исполнилось шестнадцати, но ничего не добился. Так как Бочкарев не имел ни гроша, да и у меня не было денег тоже, мы решили оба работать и понемногу откладывать заработанные деньги. Наш брак был

поспешным. Единственным сохранившимся у меня от этого ощущением было чувство освобождения от побоев жестокого отца. Увы! Тогда я даже не подозревала, что променяла один вид мучений на другой.

На следующий день после свадьбы, состоявшейся ранней весной, мы с Афанасием пошли на реку, чтобы наняться поденщиками. Мы помогали нагружать и разгружать баржи с лесом. Тяжелой работы я никогда не боялась, и все бы ничего, если бы у меня с Афанасием все было ладно. Но он тоже пил и, когда напивался, становился зверем. Он знал о моей связи с Лазовым и использовал это как предлог для побоев.

– Этот офицерик все еще у тебя в башке! – орал он. – погоди, я его оттуда вышибу! И он пускал в ход кулаки.

Пришло лето. Афанасий и я устроились работать в контору по укладке асфальта. Мы заливали полы в тюрьме, в университете и в других общественных зданиях. Покрывали асфальтом и улицы. Мы проработали в этой конторе около двух лет. Оба вначале получали по семьдесят копеек в день, но я через несколько месяцев была назначена помощником десятника и стала получать рубль с полтиной в день. Афанасий оставался простым рабочим. Мне же нужно было хорошо знать, как готовить бетон или асфальт.

Умственная неразвитость Афанасия была сущим наказанием. Но еще большим несчастьем для меня было его пьянство с тяжелыми запоями. У него вошло в привычку избивать меня, и это делало его совершенно несносным. Мне еще не было восемнадцати, но казалось, что в жизни у меня уже ничего не будет, кроме страданий и нищеты. И все чаще и чаще приходила мысль о побеге. И наконец я решилась убежать от Афанасия.

Моя замужняя сестра переселилась в Барнаул, где они с мужем прислуживали на речном пароходе. Я сэкономила около двадцати рублей и собралась ехать к сестре, но мне был нужен паспорт. Без паспорта передвигаться по России было нельзя, поэтому я взяла паспорт матери.

По пути туда на одной маленькой станции меня задержал жандармский офицер.

– Куда едешь, девушка? – спросил он довольно грубо, глядя на меня с подозрением.

– В Барнаул, – ответила я с замирающим сердцем.

– А паспорт у тебя имеется? – поинтересовался он.

– Имеется, – ответила я, вынимая паспорт из сумки.

– Как тебя зовут? – последовал очередной вопрос.

– Мария Бочкарева...

В замешательстве я забыла, что это паспорт моей матери – Ольги Фролковой. Когда офицер раскрыл паспорт и прочитал, что там написано, то набросился на меня, как зверь:

– Ах, значит, твоя фамилия Бочкарева?

Тут до меня дошло, что я совершила непоправимую ошибку. Мысленно представила себе тюрьму, пытки и непременно возвращение к Афанасию. Со мной все кончено, подумала я и, упав на колени перед офицером, стала умолять его сжалиться, когда он приказал следовать за ним в участок. Рыдая, я рассказала ему, что убежала от жестокого мужа, а поскольку не смогла выхлопотать себе паспорт, вынуждена была воспользоваться паспортом матери. Я просила не отправлять меня к Афанасию, потому что тот обязательно приберет меня.

По моей простой и бесхитростной крестьянской речи офицер понял, что я никакая не преступница, но не отпустил.

– Пошли, – сказал он. – Останешься у меня, а утром я отошлю тебя в Барнаул. Если не пойдешь, то арестую и отправлю по этапу назад в Томск.

Я покорно последовала за ним. Это было первое мое столкновение с властями, и я не осмелилась протестовать. А что касается силы воли, если она у меня и была, то, должно быть, еще не пробудилась. Да и не был ли мир для меня с самого детства полон несправедливости? И разве не так это заведено в жизни? Мы, мужики и мужички, рождены для того, чтобы страдать

и терпеть невзгоды. А они, чиновники, созданы, чтобы наказывать нас и издеваться над нами. И вот этот страж закона и порядка увел меня с собой, заставив страдать от стыда и унижения...

Затем мне было позволено ехать в Барнаул, и я продолжила свое путешествие. Когда я добралась туда, сестра быстро нашла мне работу на пароходе. Эта работа была сравнительно легкой, и моя жизнь приняла счастливый поворот. Уж так легко и радостно было мне оказаться далеко от своего пьяного, жестокого мужа-зверя.

Но эта свобода была недолговечной. После моего исчезновения Афанасий зашел к моей матери выяснить, где я нахожусь. Мать сделала вид, что ничего не знает о моем побеге и новом местопребывании. Афанасий приходил в наш дом снова и снова. Однажды в его присутствии почтальон принес письмо от Шуры. Он схватил его и прочитал. Так все и обнаружилось.

Как-то утром я стояла на палубе парохода, пришвартованного в порту, как вдруг заметила человека, приближавшегося к причалу. Человек этот показался мне очень знакомым. И в следующий момент я признала в нем Афанасия. Кровь застыла в моих жилах, а по коже поползли мурашки, когда я поняла, что меня ожидает. «Как только я окажусь в его руках, – подумала я, – мое существование превратится в бесконечную пытку. Надо спастись».

Но как спастись? Если бы я была на суше, у меня имелся бы какой-то шанс. А здесь, на воде, все пути отрезаны. И вот он уже подходит к воротам причала. Останавливается, что-то спрашивает у сторожа, который утвердительно кивает. Потом идет еще быстрее. На лице ухмылка, вселяющая ужас в мое сердце. Я попалась... Ну нет, погоди, Афанасий. Погоди радоваться! Я бросилась к краю палубы, перекрестилась и прыгнула в глубокие воды Оби. Ах, какой восторг умереть вот так! Значит, я перехитрила Афанасия. Холодна, холодна эта вода. А я погружаюсь все глубже и глубже... И я рада этому. Я торжествую. Я избежала западни... его смертельных объятий.

Я очнулась, но не на небесах, а в больнице. Люди видели, как я кинулась в реку, вытащили меня и вернули к жизни.

Власти стали выяснять, почему я хотела покончить с собой, и составили протокол допроса. Я рассказала им о муже, о его жестокости и совершенной невозможности совместного с ним проживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.